

НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ СТАРОЙ ОПЕРЫ

«Аскольдова могила» на сцене Киевского театра имени Шевченко

«А СКОЛЬДОВА МОГИЛА» у киевлян — работа в значительной степени экспериментальная. А готовность искать, экспериментировать, идти непроторенными путями присуща далеко не всем нашим оперным театрам. Эту истину, казалось бы, бесспорную, стоит еще раз подчеркнуть, ибо разговоры о поисках нового ведутся у нас обычно только в связи с созданием современной оперы, а с классическим репертуаром, по мнению многих, все обстоит благополучно. Это неверно. XIX век представлен в афишах большинства наших оперных театров произведениями, безусловно, замечательными, но, в сущности, одними и теми же. Весьма характерный пример тому — «Аскольдова могила». Популярны лишь два-три отрывка (песня Торопа, хор девушек), а целиком в наше время с оперой А. Верстовского почти никто не знаком. Театры, видя недостатки партитуры (не говоря уже о слабости либретто), боятся, что достоинства, которых немало в опере, не «перевесят» недостатков. И вот киевляне доказали, что, если подойти к «Аскольдовой могиле» по-настоящему творчески, опера «завучит».

Не тронув инструментовки Верстовского, театр проделал сложную и деликатную операцию: добавлены фрагменты из других опер композитора — «Громобоя», «Пана Твардовского», «Вадима». Можно спорить с отдельными частностями проделанной работы, поскольку в новой редакции стилевое единство в известной степени нарушается, но в целом обогащение партитуры произведено весьма тактично. По музыкально-драматическому плану Н. Вирюкова и Б. Доброхотова некоторой переработке подверглось и либретто. Авторы переработки действовали в тесном контакте с режиссером В. Склиренко и дирижером П. Григоровым.

«Дія відбувається в Києві в кінці X сторіччя» — действие происходит в древнем Киеве, и режиссер вместе с художником В. Людмилинским вписывает сцену в стильный декоративный портал, отвечающий и романтическому колориту воспоминаний о старине, и реалистическому в целом замыслу спектакля. Изваяние языческого бога возвышается над Днепром, подобно тому, как мрачные замыслы Неизвестного нависают над чистой, радостной любовью Всеслава и Надежды. Но Неизвестного поглотили волны широкой, привольной реки —

и настоящим зрительным образом спектакля является именно Днепр, чудный и при тихой погоде первой картины, и в грозе финала. Оформление «Аскольдовой могилы» — большая удача киевской постановки.

Ничего не теряя в поэтичности, спектакль тонко и умело освобождается режиссером от чересчур серьезного отношения к условно-романтическим «ужасам» и «тайнам». Национальная основа музыки подсказала режиссеру правильную расстановку сценических акцентов: на первый план выдвигаются народные картины и реалистические, жизнерадостные, светлые образы Торопа и Любаши, Всеслава и Надежды. Причем это достигается без всякого ущерба для театрально-эффективной линии Неизвестного. Такое решение находится в полном соответствии с музыкальным и литературным текстом оперы. Даже комедийная разработка третьей картины второго акта — у ведьмы Вахромеевны, — несмотря на то, что музыка здесь «запугивающая», представляется довольно убедительной. Успешную реализацию режиссерского замысла ослабляет лишь недостаточная динамика массовых сцен и откровенная дивертисментность танцев, поставленных В. Вронским без выдумки, я бы сказал, без энтузиазма и к тому же не очень в духе музыки.

Советская
"Киевщина"
1960, 24 ноября

Хорошо играет оркестр театра. Дирижер верно трактует музыку Верстовского, не «углубляя» и не осовременивая ее, но подчеркивая ясность и чистоту мелодики. Превосходное пение хора (хормейстер Л. Венедиктоз) значительно способствует успеху спектакля.

Вообще вокальная сторона киевской постановки — это лучшее, что в ней есть. Опера спета почти безупречно. Любители вокального искусства получают истинное удовольствие, слушая «Аскольдову могилу» в исполнении киевлян.

Как всегда, великолепно звучит голос выдающегося советского певца М. Гришко (Неизвестный). С большим искусством артист создает и сценический образ своего героя.

Если лирический, трогательный образ Надежды создается Л. Лобановой преимущественно вокальными средствами, то Г. Шолина в роли Любаши, кроме отличного пения, пленяет и жизнерадостным лукавством игры. Замечательным голосом обладает В. Тимохин (Всеслав), но актерски он скован и за него, в сущности, «играет» ситуация. Остро характерные образы создали необыкновенно талантливые артисты В. Скубак (Фрелаф) и Е. Озимковская (Вахромеевна), поющие, как и другие артисты, очень хорошо. И все-таки «первым номером» проходит в спектакле П. Билинник—Тороп Голован. Тут есть все: и героика, и юмор, и задор, и яркое, красивое пение.

Не являясь, по-видимому, «этапным», не претендуя на какие-то особенные художественные открытия, этот спектакль Театра им. Шевченко доставляет не только эстетическое наслаждение. Творческие поиски наших украинских гостей убедительно доказали жизнеспособность замечательной старинной русской оперы.

И. ШАРОЕВ,
заслуженный артист
РСФСР.